

И всё же слова Тан Хуая действительно сработали: все согласились на следующий день поехать с ним в салон.

Сун Цинсуй считал это полнейшим абсурдом, но раз уж они согласились — значит, хотя бы результат будет хороший.

Только вот ужин с этого момента совсем перестал чувствоваться на вкус.

Он всё время вспоминал лицо Тан Хуая у двери — то раненое, притихшее выражение, с которым тот на него смотрел, — и чувствовал себя человеком, который только что выбросил на улицу щенка.

После ужина, когда Тан Хуай снова предложил помочь донести коробку наверх, Сун Цинсуй отказываться уже не стал.

Раз скримы на ближайшие дни отменили, расслабляться никто всё равно не собирался: все засели за ранкед и расходиться наверх начали только глубокой ночью.

Как обычно, последним из тренировочной вышел Сун Цинсуй.

И уже в дверях вдруг заметил, что кабинет менеджера по диагонали напротив всё ещё светится. Он машинально глянул в щель приоткрытой двери — внутри сидел Тан Хуай.

Так поздно? О чём он может говорить с Чжан Чжияном?

Любопытство шевельнулось, но подслушивать под дверью Сун Цинсуй всё-таки постеснялся, так что только цокнул языком и поднялся спать.

В кабинете менеджера.

Тан Хуай сидел напротив Чжан Чжияна, свободно откинувшись на спинку стула. Длинные ноги были естественно закинута одна на другую, пальцы рук сцеплены на колене — вид у него был расслабленный, почти ленивый.

Чжан Чжиян недоверчиво спросил:

— Ты правда хочешь именно это?

Тан Хуай не видел в своей просьбе ничего особенно странного.

— Если вы поговорите с платформой, проблем быть не должно.

Чжан Чжиян цокнул языком:

— Я не об этом. Я о том, зачем тебе обязательно тащить Сун Цинсюя на свой дебютный стрим. Что у вас вообще между собой происходит?

Тан Хуай убрал прежнюю расхлябанность, выпрямился и после короткой паузы сказал полуправду:

— Раньше мы были очень близки. Потом поссорились, и он на меня сильно обиделся.

Чжан Чжиян не до конца поверил.

За год работы с Сун Цинсюем он успел его понять хотя бы немного.

Со стороны Сун Цинсюй выглядел ленивым, мягким, человеком, который не особенно закичивается на мелочах. Но если кто-то задевал его настоящую границу, он становился острым до невозможности и упрямым сильнее любого.

На самом деле ещё до того, как наружу вылез скандал с окончательным разрывом, Чжоу Цзин уже был недоволен многими людьми и вещами внутри команды. И особенно — Сун Цинсюем.

Сун Цинсюй этого не мог не замечать. Просто из-за множества обстоятельств он не вступал с Чжоу Цзином в лобовой спор и чаще всего предпочитал гасить ситуацию шуткой.

Даже сейчас, когда всё уже дошло до такого, Сун Цинсюй, как бы ни злился и ни разочаровывался, всё равно не опускался до методов Чжоу Цзина.

А вот Тан Хуай...

Эти двое только встретились — и сразу сцепились лбами.

Если честно, в тот момент взгляд Сун Цинсюя на Тан Хуая был таким, что его можно было принять за огонь.

И это он называет просто «поссорились»?

— Если хочешь помириться, — продолжил Чжан Чжиян, — то и подходи к этому по-человечески. Я слышал, ты в эти дни почти не разговариваешь с Сун Цинсюем. Это вообще не похоже на человека, который кого-то уговаривает.

Тан Хуай невольно опустил голову и молча выслушал, не споря.

Увидев, что тот хотя бы принимает слова, Чжан Чжиян добавил:

— Я верю в характер Сун Цинсюя. Он не стал бы доводить отношения до такого просто так. И ты сам понимаешь: если ваш конфликт не решится, WS придётся делать выбор. Конечно, если тебе понадобится моя помощь, как твой менеджер я помогу.

В ушах Тан Хуая это прозвучало не столько как угроза, сколько как защита Сун Цинсюя. Он тихо, почти весело усмехнулся и сказал:

— Я постараюсь изо всех сил.

Чжан Чжиян махнул рукой:

— Ладно, иди уже отдыхать. По тому вопросу, который ты поднял, я попробую договориться. Но сам понимаешь: платформа тоже будет учитывать, какой трафик приносит Сун Цинсюй, и я обязан уважать его решение.

— Понял. Спасибо вам.

Вернувшись в комнату, Сун Цинсюй первым делом пошёл в душ. А потом, исходя из принципа «не пропадать же добру», открыл одну из купленных масок и наклеил на лицо.

Свежий аромат тканевой маски ему ещё понравился, а вот липкое ощущение на коже — не очень. Он долго возился, поправляя её то так, то этак, прежде чем наконец смирился с этой странной липкостью и честно уселся в кровати с телефоном.

На форуме всплыло ещё несколько десятков тредов, пытавшихся снова разогнать волну, но то ли Чжан Чжиян уже вмешался, то ли люди просто устали — в большой пожар это не вылилось.

Тред с «жалко Восьмого» всё ещё висел, и там уже начали гадать о будущем Тан Хуая в карьере.

971L: Делаем ставки: сколько Восьмой выдержит рядом с императором? Мой прогноз — максимум сезон.

972L: Я уже забил место под тренд «WS: мид и бот снова разосрались», ваш императорчик — именно такой типаж, сто процентов посрётся с любым AD.

973L: Бля, меня аж передёрнуло. Эти дримерши императора — просто жуть.

974L: Что ты там увидел? Рассказывай.

...

981L: Это снова я, 973-й. Только что доедал драму в соседней Вейбо, и мне внезапно вынесло в ленту пост одного блогера. Сам текст там неважен, пересказывать не буду. Главное — ссылка.

Туда ещё через VPN лезть надо. Я ткнул — и меня просто вынесло. Скажу только одно: пока в киберспорте есть такая опухоль, как император, который насобирал вокруг себя кучу дримерш, даже в игру толком не играющих и каждый день фантазирующих, как встречаются с ним, этому киберспорту рано или поздно конец.

[ссылка] Смотрите сами. Я только скажу: Восьмой, беги, пока не поздно, а не то следующим, кого он загубит, будешь ты!

Слово «дримерша» Сун Цинсюй знал.

Но среди его фанатов девушки обычно называли себя мама-фанатками, а парни в основном просто смотрели ради игры.

Он и сам не раз тайком вбивал своё имя в поиск, но ничего похожего на этих самых дримерш не видел.

И потом — человек вроде бы пишет культурно, а на деле у него в каждом слове голая злоба. Да ещё и одним махом поливает всех его фанатов.

Сун Цинсюй открыл его профиль.

И тут же мысленно выругался.

Прекрасно. Обыкновенный двуличный урод. Сам день за днём облизывает то знаменитостей, то аниме-персонажей, то и дело выдавая перлы вроде «XXX — идеальная жена и мать» или «такая женщина никуда не годится».

А ещё смеет называть Сун Цинсюя опухолью.

Да такие люди сами — мусор общества.

Сун Цинсюй нахмурился, раздражённо цокнул языком, заскринил несколько особенно мерзких высказываний и сразу пожаловался на аккаунт в поддержку платформы.

Когда он вернулся назад к треду и снова увидел тот комментарий, злость никуда не делась, и он ещё раз ткнул в кнопку жалобы.

Но не успел даже отправить её, как на экране всплыло уведомление:

[Пост, который вы пытаетесь открыть, исчез]

Похоже, Чжан Чжиян всё-таки уже успел всё подчистить.

Сун Цинсуй скрипнул зубами, но легче не стало.

Он всегда считал, что его отношения с фанатами — нормальные и здоровые.

Когда надо было стримить, он не халтурил. Когда нужно было раздать какие-то бонусы и подарки, он тоже не жадничал.

Именно эти люди помогли ему заявить о себе и быть замеченным. Именно они матч за матчем сидели перед экранами и поддерживали его. Когда разгорелся скандал, они тоже твёрдо встали на его сторону.

Сказать, что он не был им благодарен, — соврать.

Сун Цинсуй посмотрел в угол комнаты, где стояла коробка с уходом, и задумался: может, ему самому тоже стоит что-то сделать для фанатов?

Провести розыгрыш и раздать им эту косметику?

Нет, нельзя. У всех разная кожа, мало ли у кого что вылезет от такого ухода. Да и если уж дарить, то от души. А эта коробка изначально покупалась вовсе не для фанатов — значит, и отдавать им её нельзя.

Подумав ещё немного, он решил: проще всего просто раздать деньги.

Открыл Weibo и запустил раздачу на сто тысяч юаней, подписав:

Новый сезон вот-вот начнётся. Я не подведу ваших ожиданий. Надеюсь, вы все будете счастливы.

Глядя, как фанаты в комментариях выкладывают скриншоты с тем, сколько они успели поймать, и наперебой желают ему удачи, Сун Цинсуй вдруг почувствовал, что все эти сплетни на форуме на самом деле и правда не стоят того, чтобы так сильно из-за них переживать.

Он выдохнул и ощутил, как всё тело становится легче.

Снял маску, умылся, снова забрался под одеяло и ещё немного полистал комментарии фанатов.

Ночь становилась всё гуще, веки тяжелели, и он, сжимая телефон в руке, медленно уснул.

Сознание почти сразу унесло под небо, усыпанное звёздами. Среди этих мерцающих огней он словно плыл по облакам — легко, невесомо, почти счастливо.

И вдруг чья-то большая, чётко очерченная ладонь обвила его талию сзади.

Зрачки Сун Цинсюя резко расширились. Он ещё не успел ничего сказать, как эта рука потянула его назад — в чужие объятия.

У самого уха легли мягкие, тягучие поцелуи. Вместе с ними — горячее, тяжёлое дыхание. Всё тело Сун Цинсюя мгновенно напряглось. Он хотел обернуться и увидеть лицо человека за спиной, но не мог вырваться из удерживавших его рук.

— Ты так добр к ним... Я тоже хочу, чтобы ты был так добр ко мне.

В этих словах было столько униженной, просящей любви, что от них следовало бы растрогаться.

Но Сун Цинсюю стало только страшнее.

— Кто ты вообще такой? Ты чего хо... мф!

Он не успел договорить.

Холодный палец скользнул ему в рот, заглушив все оставшиеся слова.

Этот палец хозяйничал без всякого стыда, ворошил язык, скользил глубже; слюна бесконтрольно потекла из уголка губ и побежала вниз по подбородку. Ветер коснулся влажной кожи, и в этой тонкой холодной полосе вдруг притаилось что-то тайно возбуждающее.

Сбитое дыхание смешалось.

Разум ещё сопротивлялся, а тело уже против воли тянулось к объятиям человека за спиной.

— Будь добр ко мне. Посмотри на меня. Никто не любит тебя сильнее, чем я.

...

— С-сс...

Сун Цинсуй резко сел на кровати, втягивая в себя воздух. На висках блестел пот, грудь тяжело вздымалась, и только минут через пять мир перед глазами окончательно прояснился.

Сон.

Опять этот сон.

И тут, когда сознание окончательно вернулось, он вдруг почувствовал, что с телом что-то не так.

Сун Цинсуй дёрнул одеяло вниз — и застыл.

У него встал.

Нет, подождите. С чего это у него вообще встал?

В душе Сун Цинсуй уже лил горькие слёзы. Щёки вспыхнули, уши стали красными до ужаса. Он заставил себя успокоиться.

Вообще-то ничего страшного тут нет.

Ему уже девятнадцать, скоро двадцать. За все эти годы, кроме той смутной двусмысленной истории с Тан Хуаем когда-то давно, ему почти никто никогда не нравился, да и сам он такими вещами занимался редко.

Раз есть реакция — значит, он нормальный, здоровый человек, и в этом нет ничего ужасного.

Нормальный человек должен уметь смотреть в лицо собственным желаниям.

Сун Цинсуй сурово прошептал самому себе:

— Нет. Никакой ерунды. Сейчас самый важный период. Через пару лет, когда уже не смогу играть, тогда и отношения можно заводить. А ну быстро успокаивайся. Не смей портить мне карьеру!

Но, как говорится, взрослый парень твёрже алмаза.

Несколько лет он жил почти как монах, и уж если организм внезапно проснулся, то за пару минут обратно не заснёт.

Только спустя добрых полчаса его тело наконец успокоилось.

Сун Цинсуй со скоростью света переоделся, запихнул испачканную одежду в стиральную машину и снова забрался под одеяло. Потянулся за телефоном — семь утра.

В этот раз, пусть сон и был таким, он хотя бы нормально проспал несколько часов, а не мучился, как раньше, от бессонницы.

Сун Цинсуй молча вздохнул, снова открыл комментарии фанатов, но палец случайно задел кнопку возврата. Страница откатилась на главную и тут же обновилась.

Наверху ленты висел пост, опубликованный пять часов назад.

ID: Люблю Сюй-Сюя

Видеть, что у тебя всё хорошо, что рядом с тобой так много людей, которые помогают тебе и защищают тебя, — я правда очень рад. Мне снова приснился сон. В этот раз ты в нём был счастлив. Надеюсь, ты всегда будешь таким счастливым. [ссылка]

Сун Цинсуй прищурился.

Этот «Сюй-Сюй» — почти наверняка он.

Все слова в посте были ему понятны, но, стоило прочитать их вместе, как от текста начинало тянуть какой-то сырой, липкой жутью.

Сун Цинсуй передёрнул плечами и открыл профиль автора.

В описании значилось:

Не девушка и не дример.

И тут Сун Цинсуй вспомнил тот самый комментарий из треда «жалко Восьмого». Похоже, тогда говорили именно об этом аккаунте — «Люблю Сюй-Сюя».

Да, впечатление этот человек производил крайне неприятное.

Но руки ведь не отрубишь.

Пока он не нарушает закон и не лезет в его личную жизнь, такие посты ни контролировать, ни запрещать смысла нет.

Сун Цинсуй вышел из Weibo, но мысленно имя этого аккаунта себе запомнил.

Как раз в этот момент пижама достиралась. Он снова выбрался из постели, взял одежду и пошёл на балкон у прачечной развешивать сушиться.

Стоило ему открыть дверь, как дверь напротив тоже открылась.

Из комнаты вышел Тан Хуай в спортивной одежде. В ухе — беспроводной наушник, вид явно такой, будто он собрался на утреннюю пробежку.

Сун Цинсуй невольно остановился.

Их взгляды встретились, и Тан Хуай заметно удивился.

— Ты чего так рано проснулся?

Сун Цинсуй неопределённо ответил:

— А... просто вдруг проснулся.

Взгляд Тан Хуая скользнул вниз и задержался на пижаме у него в руках. Потом в глазах промелькнуло что-то многозначительное, и он невольно посмотрел ещё ниже.

Ну да.

Мужчина с утра пораньше стирает одежду — с чего бы ещё?

Поймав этот взгляд, Сун Цинсуй машинально хотел спрятать вещи за спину. Только-только успокоившиеся уши опять вспыхнули.

— Чего ты на меня смотришь?

В горле Тан Хуая затаился смех.

— Ничего. Просто не держи мокрые вещи так долго в руках. Сырость в тело войдёт — в старости ревматизм заработаешь.

— Болтун. Звучишь, как моя бабушка, — фыркнул Сун Цинсуй, закрыл дверь и пошёл развешивать одежду.

Шаги Тан Хуая звучали прямо за спиной — размеренные, спокойные, не слишком близко и не слишком далеко.

И именно из-за этого Сун Цинсуй почему-то снова вспомнил человека из сна, который тоже стоял позади него.

Он непроизвольно ускорил шаг.

Зимнее утро в пригороде Шанхая было наполнено свежим запахом сырой земли, травы и деревьев. Всё это, смешиваясь с кусачим холодом, создавало ощущение, будто тебя окружили десятки тысяч листьев мяты.

Сун Цинсуй всего несколько минут назад вышел из комнаты с кондиционером. На нём была короткая футболка, и стоило голым рукам коснуться холодного воздуха, как по коже тут же побежали мурашки.

Он тихонько вздрогнул, потёр предплечья и быстро начал развешивать пижаму.

За спиной вдруг послышался мягкий шорох ткани.

Сун Цинсуй ещё не успел обернуться, как сверху на него легла тень, полностью накрыв его собой.

— Простуда у тебя только-только прошла. В следующий раз, если соберёшься с утра развешивать бельё, хотя бы накинь что-нибудь сверху.

На плечи ему опустилась куртка — ещё тёплая от чужого тела, пахнувшая стиральным порошком и мужским теплом. Сквозь ткань в уши Сун Цинсуя пробился низкий, спокойный голос Тан Хуая.

Сун Цинсуй широко раскрыл глаза и опустил взгляд на накрывшую его чистую куртку. В груди поднялось какое-то странное чувство, которому он не мог подобрать имени.

Он совершенно отчётливо чувствовал, что Тан Хуай стоит прямо за его спиной.

Жар, исходящий от его тела, скользил по воздуху тонкими нитями, словно хотел обернуть Сун Цинсюя целиком.

— Будь к себе чуть добрее, — сказал Тан Хуай.

Сун Цинсюй резко замер.

Или это ему только кажется?

Почему голос Тан Хуая так похож на голос из его сна?

<http://bllate.org/book/18105/1736374>